

отношеніи къ нему въ русскомъ обществѣ, — словъ не всегда точныхъ, но слишкомъ мимолетныхъ, чтобы можно было съ ними спорить, — авторъ переходитъ къ краткому изложенію путей литературнаго развитія, пройденныхъ Пушкинымъ, и даетъ картину, которая хотя состоитъ изъ фактовъ общеизвѣстныхъ, но въ своемъ цѣльномъ составѣ любопытнымъ образомъ рисуетъ отношеніе Пушкина къ европейской литературѣ, съ одной стороны, и къ русской дѣйствительности, съ другой; авторъ старается затѣмъ указать общій характеръ творчества Пушкина и то, чѣмъ еще могъ онъ стать въ нашей литературѣ, еслибы трагическая случайность не прервала его дѣятельности. Пересматривая литературныя понятія Пушкина съ его первыхъ шаговъ, авторъ указываетъ, что Пушкинъ испыталъ и пережилъ цѣлый рядъ разнообразныхъ вліяній, отъ стараго псевдо-классицизма XVIII-го вѣка до различныхъ романтическихъ отбѣлковъ начала нынѣшняго столѣтія, и, не покоряясь этимъ вліяніямъ, извлекалъ изъ разныхъ литературныхъ теченій то, что было въ нихъ живого, здравого и полезнаго. Пушкинъ уже на школьной скамьѣ успѣлъ отдѣлаться отъ псевдо-классицизма, но онъ „воспользовался уроками ложныхъ классиковъ такъ, — говоритъ авторъ, — какъ не сѣумѣли ими воспользоваться болѣе его образованные нѣмецкіе романтики: отъ классиковъ Пушкинъ унаслѣдовалъ глубокое уваженіе къ силѣ, чистотѣ и правильности языка, только его критерій былъ гораздо шире и разумнѣе; его творческая дѣятельность и въ этомъ отношеніи была плодотворнѣе“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ пережилъ ту полувѣковую борьбу, какая велась въ европейской литературѣ противъ ложнаго классицизма и отголоски которой, болѣе или менѣе отчетливые, повторились и у насъ. Пушкинъ уже рано перечиталъ многое изъ европейской литературы конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, и это чтеніе осталось для него важнымъ опытомъ, который онъ перерабатывалъ самостоятельно. „Пришлось бы разбирать всѣ лицейскія стихотворенія Пушкина, — говоритъ г. Кирпичниковъ, — еслибъ я задумалъ опредѣлять литературныя вліянія, имъ за это время пережитыя. Я только укажу два-три примѣра того, какъ впоследствии, въ пору зрѣлости своего гения, Пушкинъ претворялъ въ себѣ эти школьныя вліянія, возводя ихъ односторонность въ перлы художественности.

„Я уже сказалъ, что ложный классицизмъ оставилъ въ немъ склонность къ изученію роднаго языка; но онъ пошелъ въ этомъ отношеніи по лучшей дорогѣ и дальше, нежели академики много-